

Валерия

Короткова

*старший преподаватель
университета «Туран»*

АРХЕТИП САДА КАК ЧАСТЬ ГОРОДСКОЙ МИФОЛОГИИ АЛМАТЫ

Мифология города как культурологический феномен давно привлекала внимание исследователей: филологов, историков, специалистов по семиотике. Существует немало работ, посвященных рассмотрению городов мира с точки зрения семиотики их пространства и их «мифического» имиджа, как он сложился в культуре. Можно привести в качестве примера работы Ю. М. Лотмана [1].

Главной идеей основания города, согласно М. Элиаде, является космоизация пространства, превращение хаоса в космос [2, 29]. Затем город, помимо своего чисто функционального значения, обретает собственную символику, образ и «характер», становится выразителем определенных смыслов, важных для данного народа и его культуры.

Определяющую роль в формировании мифологии города играет художественная литература. «Роль художественной литературы в осмыслении локального текста основополагающая, поскольку только в художественной литературе локальные тексты достигают той высокой степени осмысленности и завершенности, которая вводит их в культуру», – считает В. В. Абашев [3].

Выскажем предположение, что одной из причин возросшего интереса коренных алмаатинцев к истории родного города в 90-х годах прошлого века стала публикация романов писателя Юрия Домбровского – «Факультет ненужных вещей» (1988) и «Хранитель древностей» (1991). Эта так называемая «алма-атинская дилогия» внесла большой вклад в современную мифологию Алма-Аты, а затем Алматы. Как показывает исследование интернет-пространства, этот интерес не ослабевает, а напротив, только усиливается благодаря все более широкому распространению информации через соци-

альные сети, канал YouTube, телеканалы и различную печатную продукцию.

Сад – один из древнейших символов мировой культуры, имеющий истоки в мифологическом разделении пространства на две противостоящие друг другу области: хаоса (невозделанного, некультурного пространства) и космоса (освоенного человеком пространства).

«Словарь символов» Дж. Тресиддера говорит о символике рая следующее: «В древних традициях образ идеального мира, космического порядка и гармонии – потерянный и вновь обретенный рай. Для всех основных мировых культур сады представляют собой и зримое благословение Господне (Божественный Садовник), и способность самого человека достигнуть духовной гармонии, прощения и блаженства» [4, с. 319].

В мифах древнего Шумера присутствует образ садовника, предполагающий наличие образа сада. Известен шумерский миф о рождении героя Гильгамеша, пятого царя первой династии города Урука, в пересказе греческого автора Элиана. Миф повествует, что царю Урука Энмеркару было дано предсказание, что его внук, сын его дочери, лишит его трона. Напуганный пророчеством царь приказал запереть дочь в башне. Однако, несмотря на изоляцию, дочь царя забеременела и родила сына. Как видно, данный мифологический мотив – о пророчестве и связанном с ним запрете для царской дочери на право иметь ребенка – можно отнести к категории универсальных (ср. миф о Данае, Рее-Сильвии). Как известно из тех же мифологических сюжетов, ребенок, родившийся у царской дочери, имел божественное происхождение. Несмотря на это, повторяющаяся сюжетная схема говорит о том, что дед стремится избавиться от

внука (ср. Персей, близнецы Ромул и Рем). В мифе шумеров Энмеркар приказывает выбросить мальчика из окна башни. Согласно той же мифологеме, различающейся лишь в деталях, ребенка спасают высшие силы. В случае с Гильгамешем – это орел, который подхватил ребенка и унес его в сад, где его воспитал садовник. Положительная символика сада, как видно из этого мифа, переходит на образ садовника.

Символический образ сада появляется уже в романе «Обезьяна приходит за своим черепом», написанном Домбровским зимой 1943 года в Алма-Ате, сразу после возвращения из колымского лагеря. В романе делается акцент на том факте, что сад, или парк, в загородном имении профессора-антрополога Мезонье, главного героя романа, находится в сильно запущенном состоянии: его долгое время никто не приводил в порядок. Принимая во внимание повышенный интерес Домбровского к творчеству У. Шекспира, можно предположить, что ситуация с садом в романе перекликается с метафорой из трагедии «Гамлет», которая звучит в одном из монологов главного героя: «Как невыполотый сад, дай волю травам, зарастет бурьяном, С такой же безраздельностью весь мир заполнили грубые начала» (перевод Б. Пастернака). В основе шекспировской метафоры и образа сада у Домбровского лежит мифологема наступления хаоса на обустроенный человеком, «космизованный» мир. Отсюда и профессия главного героя «Обезьяны» Курта. Он – садовник, нанятый профессором, чтобы навести порядок в саду, очистить его от сорняков. Параллель с мифическим садовником становится очевидной, когда раскрывается настоящее занятие Курта: он является руководителем местного движения Соппротивления, то есть героем, который борется с хаосом.

Мифология сада продолжает присутствовать и в дальнейшем творчестве писателя. Например, сад как фон присутствует в рассказах «Царевна лебедь» и «Леди Макбет», написанных в 1955 году, в поселке Чуны Иркутской области, где писатель жил на поселение после освобождения из Тайшетского «Озерлага». Оба рассказа вошли как составные части в роман «Рождение мыши». Наконец, сад является одним из главных символических образов в вышеназванных романах Ю. Домбровского. В самом начале первой главы романа «Хранитель древностей» Георгий Зыбин, главный герой дилогии и (alter ego) автора, прибывает в совершенно

не знакомый ему среднеазиатский город Алма-Ату. Действие первой главы происходит в 1933 году (позже повествование перейдет на события 1937 года). О причинах, заставивших его покинуть родную Москву и приехать на далекую окраину бывшей Российской империи, а ныне СССР, писатель предпочитает умолчать. Однако причина нам известна – ссылка по политическим мотивам. Тем более вызывает удивление, как герой воспринимает новую для него обстановку, в которую попал не по своей воле. Вместо испуга, неприятия или других негативных эмоций в восприятии героем окружающей обстановки чувствуется удивление и некая зачарованность своеобразной красотой южного города. Коренной москвич Зыбин, выехавший из Москвы «в ростепель, в хмурую и теплую погоду», вдруг оказывается «среди южного лета». *«Цвело все, даже то, чему вообще цвести не положено – развалившиеся заплоты (трава била прямо из них), стены домов, крыши, лужи под желтой ряской, тротуары и мостовые».*

Домбровский, подробно описывая маршрут своего героя, создает образ сказочного города-сада: *«Здесь я увидел, что зелень в этом городе расположена террасами. Первый этаж – вот эти акации. Над акациями фруктовые сады, над садами тополя, а над тополями уже только горы да горные леса на них. Вот сады-то меня и путали больше всего: поди-ка разберись, где ты находишься, если весь город один сплошной сад, – сад яблоневый, сад урючный, сад вишневый, сад миндальный – цветы розовые, цветы белые, цветы кремовые».*

Надо заметить, что описания, как компонент текста, как правило, занимают в произведении Домбровского значительное место. Известно, что писатель интересовался природой, обладал довольно солидной для гуманитария научной эрудицией. Например, в приведенном выше фрагменте из начала романа мы видим, что Домбровский не ограничивается общей картиной цветущей весенней природы. Он предпочитает точность в описаниях: употребление видовых названий растений (цветы: тюльпаны, маки, марьян корень), плодовых деревьев.

На первый взгляд, описание южного города-сада является предельно реалистичным очерком хорошего наблюдателя природы. Но при ближайшем рассмотрении все оказывается не так просто. Дело в том, что Домбровский в данном описании «заставляет» цвести одновременно растения, которые

в действительности никогда не цветут в одно время. По нашим собственным многолетним наблюдениям, в цветении плодовых деревьев в городе наблюдается определенная последовательность. Первым обычно зацветает урюк, за ним следует цветение других косточковых: сливы, вишни, яблони. Если в цветении косточковых и можно наблюдать в разные годы незначительные временные сдвиги, то описанное в романе цветение акаций одновременно с плодовыми деревьями явно не является реалистическим. Даже такое едва незаметное нарушение реалистичности в описании создает определенный эффект: в первой главе романа создается образ Алма-Аты как мифического райского сада. Общая «мифологичность» произведения Домбровского позволяет нам с достаточной степенью уверенности предположить, что авторский прием мифологизации города не случаен, а подготавливает проявление в романе ветхозаветного мифокомплекса «райский сад – змей – Ева», который станет центральным в двух главных романах писателя. Эффект мифологичности и сказочности усиливается, во-первых, вербальными маркерами, например, обилием цветочных прилагательных и метафор, во-вторых, едва заметным фантастическим нагнетанием ситуации: «Шел, шел и вдруг понял, что кружу на одном месте». Кроме того, «райское» душевное состояние главного героя в двух первых главах романа сказывается в бессюжетности повествования.

В дальнейшем действии романа тема сада будет развиваться в направлении мифологемы «потерянного рая». Разрушение райской бессюжетности начнется с появлением заметки в газете о четырехметровом удаве в садах колхоза «Горный гигант».

Регулярное изучение и анализ публикаций в социальных сетях «Facebook», «ВКонтакте», «Одноклассники», «Мой мир» дают возможность сделать вывод о том, что базовым мифом жителей Алматы можно назвать образ родного города как мифического города-сада. Мифологема «райского сада» в данном случае связана с мифом о «золотом веке», который относится, по мнению большинства пользователей, к 50–80-м годам XX века. Постперестроечный и современный период, когда происходили и происходят заметные изменения в облике города, ощущаются алмаатинцами среднего и пожилого возраста как разрушение рая, наступление хаоса и зла. Метафора «город-сад» стала общеупотребительным клише в

группах в вышеперечисленных социальных сетях. Нами было отмечено 20 примеров цитирования участниками групп начала романа «Хранитель древностей» с мифологизированным описанием Алма-Аты как сказочного города-сада. В качестве примера можно привести комментарий одного из администраторов группы «Алма-Ата – потерянный рай» Татьяны Смирновой от 22.01.2020 года: «Спасибо Вам за фото и замечание. Логотип на фотографиях призван акцентировать внимание на том, что того нашего зеленого города-рая-сада больше нет. Но мы обязательно рассмотрим ваше предложение насчет уменьшения/прозрачности логотипа. Завтра опубликуем ваши фотографии. Спокойной ночи и еще раз спасибо!»

Мифический образ города-сада, потерянного рая, является частью «коллективного бессознательного» большей части населения современного Алматы (в основном это лица возрастной категории 40 лет и старше), которые болезненно воспринимают любые изменения в традиционном облике города, «освященном» романами Ю. Домбровского и личными воспоминаниями детства и юности. Особенно это касается вырубки деревьев и других зеленых насаждений в городе и предгорной зоне. Мифологический «растительный код», имеющий эмоциональную природу, дополняется в данном случае реальной неблагоприятной экологической обстановкой в городе, что вызывает естественную эмоциональную реакцию горожан. Особенной прагматической активностью в обсуждении данного вопроса отличаются администраторы-экоактивисты и другие участники группы «Защитим Алматы». Незаконная вырубка деревьев и ухудшение экологической ситуации в городе являются темами значительной части публикаций и комментариев в этой группе. «Ностальгические» группы типа «Ностальгия по Алматы», «Алма-Ата – потерянный рай» и другие вышеперечисленные больше акцентируют внимание на культурологических последствиях оскудения зеленого фонда города.

Следующий пример также иллюстрирует присутствие мифологии растений, утвердившейся в сознании горожан благодаря романам Ю. Домбровского, в системе городских мифов Алматы, отражающихся в информационном пространстве. Пользователь сети, участница группы «Алма-Ата – потерянный рай» Татьяна Антоненко 20 января 2020 года выложила в социальной сети три поста на

данную тему. Приведем в качестве примера один из них – «Тополя спасут город»:

«Первую часть этого остросюжетного боевика я начала со слов, что в один миг проснулась популярной. И не случайно именно определение “популярная” закралось в подкorkу – по латыни это буквально означает “тополиная”, потому что тополь по латыни звучит как *Póvilus*. Народные этимологи объясняли происхождение латинского названия тополя как “дерево, разводимое возле площадей и мест народных собраний”.

В 30-е годы прошлого века судьба забросила к нам в город еще одного уникального популярного человека – русского советского прозаика, поэта и литературного критика, мемуариста Юрия Домбровского, который также был известен как археолог, искусствовед и журналист. Его самый знаменитый “алматинский” роман “Хранитель древностей” начинается с наших тополей. Все мы, урожденные алмаатинцы и алматинцы, любим свой город и не представляем его без тополей. Поэтому мы все ПОПУЛЯРНЫЕ!»

Мифология растений активно присутствует в постах многих участников групп в социальной сети Facebook. Приведем еще один пример. Участница группы «Ностальгия по Алматы» Лалита Шамои (эксперт по визуальному контенту) пишет в своем посте: «Просто деревья. Казалось бы... Но в то же время неотъемлемая часть нашего города. У каждого дерева своя история и своя память. Раскинув свои ветви ввысь и вширь, как бы ведут свой безмолвный разговор со случайными прохожими, которые в

ненастную погоду бегут кто куда по своим делам, и почти никто не смотрит вверх на эту красоту. А снег метет и покрывает хлопьями все вокруг. А деревья дают силу... Я даже не знаю, сколько лет этим деревьям, но, наверно, очень много, и это тоже часть истории нашего города».

Еще одним символом, связанным с архетипом сада, а также символом Алматы является яблоко. В романах Ю. Домбровского яблоко является не только частью мифокомплекса «райский сад – Ева – змей – яблоко», но и одновременно совершенно реалистичным образом, выписанным автором с его обычной, почти научной скрупулезностью. Герой дилогии Георгий Зыбин не устает удивляться настоячивости, с какой жители Алма-Аты повторяют любимый миф о родном городе: «Я пожал плечами – опять то же самое, Алма-Ата – отец яблок».

В качестве примера приведем пост участницы группы «Алма-Ата – потерянный рай», Тогжан Нургалиевой: «Наш апорт размером с мелкий арбуз! Апорт именно такого размера несколько лет возила рейсом Алма-Ата – Москва в качестве гостинца во время моего проживания в Златоглавой. На эту тему в том году у меня был пост о самых любившихся и востребованных дарах и презентках моим московским друзьям и коллегам с кафедры – сигаретах “Казахстанские” и алма-атинском апорте. Москвичи желали только эти алма-атинские гостинцы и ничто другое!»

Таким образом, как показало исследование, городская мифология Алматы является частью информационного пространства Казахстана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Ю. М. Город и время // Метафизика Петербурга. Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 1. СПб.: ФКИЦ «ЭЙДОС», 1993. С. 86.
2. Элиаде М. Избранные сочинения. Миф о вечном возвращении. Образы и символы. Священное и мирское. Пер. с фр. М.: Ладомир, 2000. 414 с.
3. Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000. 404 с.
4. Тресиддер Дж. Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. 448 с.

